

*БЕЛОЗЕРСКИХ Светлана Николаевна, преподаватель кафедры общетеоретических дисциплин Белгородского государственного института искусств и культуры. Автор 28 научных публикаций**

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА СТАРОСТЬ: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Увеличение средней продолжительности жизни человека и повсеместно наблюдаемые процессы демографического старения населения стран мира (в первую очередь экономически развитых) значительно повысили исследовательский интерес к проблемам старости и старения, в т. ч. и в области философских наук. В настоящей статье рассматриваются основные подходы современных отечественных авторов к пониманию феномена старости с философско-антропологической точки зрения, раскрывающих его суть через связь с такими категориями, как возраст, возрастная периодизация, жизненный путь, страх, смерть. Анализ этих подходов показал, что они, по сути, представляют собой альтернативу широко распространенным трансгуманистическим идеям и предлагают более широкий взгляд на старость как на сложный, многомерный феномен, который не сводится к простому биологическому угасанию стареющего организма, а складывается из потерь и определенных человеческих приобретений. Это позволяет говорить о том, что в настоящее время в отечественной науке наблюдается поворот исследовательского интереса к многоаспектному изучению феномена старости, рассмотрению его возможных конструктивных составляющих, а также его восприятию как универсального комплексного явления, которое проявляется на трех различных уровнях: телесном, душевном и духовном. Учитывая разнообразие и крайне индивидуальный характер проявлений процессов старения, необходимо говорить о существовании различных типов старости, по-разному выражающихся в жизненных стратегиях пожилых и старых людей. Анализ ныне существующих типологий старости свидетельствует о том, что качество жизни представителей старшего поколения во многом определяется принятием или непринятием ими собственной старости.

Ключевые слова: *пожилый человек, старость, процесс старения, возрастная периодизация, геронтология.*

Старение является неотъемлемой частью жизни человека. Однако, пожалуй, еще никогда за всю историю существования человечества проблема старости не пользовалась таким исследовательским интересом, как в последнее время. Традиционно более популярной была тема смерти.

И это не случайно, поскольку с ней человек сталкивался гораздо чаще, чем со старостью: в условиях общей низкой продолжительности жизни и достаточно высоких показателей смертности во всех возрастах мало кому удавалось дожить до преклонных лет. Долгое время (вплоть до

*Адрес: 308033, г. Белгород, ул. Королева, д. 7; e-mail: belozerskih09@yandex.ru

XVIII–XIX веков) старость оставалась довольно редким явлением, о чем весьма красноречиво сказал в своем эссе «О продолжительности жизни» знаменитый французский философ эпохи Возрождения М. Монтень: «Смерть от старости является редкой, уникальной и, следовательно, менее естественной, чем другие...» [цит. по: 1, с. 106].

Современная ситуация кардинальным образом отличается от описанного выше. Сегодня до старости доживает довольно много людей (особенно среди проживающих в Японии, Европе и Северной Америке). На карте мира появились страны, в населении которых доля пожилых и старых людей не только достигла показателей детской группы, но и превысила их, а сама старость стала занимать значительную часть жизненного пути человека. Сложившаяся ситуация потребовала более детального анализа проблемы старости, выработки новых подходов к ее осмыслению, в особенности с философских позиций.

В исследованиях современных отечественных авторов можно обнаружить сразу несколько вариантов решения данной задачи. Наиболее распространен взгляд на проблему старости с точки зрения возрастной периодизации жизни человека. Однако поскольку сама возрастная периодизация по-прежнему является открытым вопросом, все еще не имеющим однозначного решения, постольку и проблема старости в этом ракурсе выглядит по-разному – в зависимости от выбранного подхода.

Так, например, если исходить из цепочечной (как это делают М.Э. Елютина, Т.В. Черненко и В.П. Демидов), а не иерархической или циклической структурной организации возрастных этапов, то старость можно рассматривать в качестве равноправного в ряду других человеческого возраста, не сводящегося к процессам распада, а являющегося самостоятельным и особенным по своим характеристикам. Данный подход предполагает, что в процессе индивидуального развития между возрастными сохраняется определенная преемственность. В связи с этим роль старости оказывается в значительной степени обусловлен-

ной накопленными в предшествующие периоды знаниями, сформированными умениями и навыками, личностными психологическими свойствами. Более того, можно сказать, что она фокусирует весь ценностный опыт человека и является своего рода смысловым эпилогом его жизни: «Если возраст представить как меру погружения в жизнь, тогда старость – глубинное погружение, пространство обитания многообразных смыслов, случайных или намеренных, фиксирующихся в человеческой памяти, которые можно обнаружить в языке, жестах, этикете, бытовой ориентации, возрастных “фильтрах” и “усилителях”» [2, с. 12].

Обусловленностью старости характером предшествующих возрастных этапов, пожалуй, можно объяснить и гетерогенный характер социальной общности представителей старшего поколения, включающей в себя людей с разнообразными потребностями и проблемами, как относительно здоровых и крепких, так и обремененных недугами, выходцев из абсолютно разных социальных слоев, имеющих разный уровень образования, квалификации и разные интересы.

Если же взглянуть на устройство человеческой жизни сквозь призму фрактальности – самоподобия целого во всех его последовательно делимых частях, проблема старости раскроется несколько иначе. По мнению одного из ведущих представителей данного подхода М.Э. Эпштейна, возраст необходимо понимать как «фрактал, бесконечно делимый фрагмент времени» [3, с. 52], из чего следует, что человеческая жизнь делится на возрасты, у каждого из которых есть свой возраст, состоящий в свою очередь из подвозрастов, и т. д. Подвозрасты сменяют друг друга так же, как это происходит с возрастными в масштабе целой жизни.

Применительно к старости это означает, что она представляет собой не только определенный период в жизни человека, но и одновременно является одной из фаз в становлении каждого ее отдельного периода. В итоге мы можем говорить как минимум о старости детства, старости отрочества, старости молодости, старости зрелости

и даже старости старости, у каждой из которых есть свое мироощущение, роднящее их вопреки разнице в возрастных периодах. «Молодого человека в возрасте под тридцать одолевает то же чувство “конца молодости”, изношенности своего возраста, необходимости переступить черту и усвоить привычки и “этос” следующего возраста, как и ребенка в 10 лет, который вырастает из своего детства, или подростка в 16 лет, который вырастает из своего отрочества, или человека на исходе зрелости, который чувствует приближение старости», – утверждает М.Э. Эпштейн [3, с. 51]. Таким образом, «старички» всех возрастных периодов образуют свою референтную группу, основанную на существовании межвозрастных симпатий, что открывает новые возможности для решения актуальной проблемы организации межпоколенного взаимодействия, развития его новых форм.

Необходимо отметить, что фрактальный подход (впрочем, как и многие другие) отрицает существование какого-либо прямого линейного соответствия между биологическим и психологическим возрастом и предполагает возможность рокировки возрастов, объясняя это нелинейностью самой человеческой жизни как системы. Поэтому мы можем наблюдать, например, стариковатых детей или, напротив, молодых стариков. Кроме того, возрасты не только приходят на смену друг другу, но и сосуществуют в человеке. То есть аналогично тому, как каждый возраст, проходя через все другие возрасты, содержит их в себе, так и человек в каждый момент жизни состоит из всех своих возрастов, включая старость.

Однако в работах современных отечественных исследователей проблема старости не всегда связывается только со временем или возрастом. Так, например, К.С. Пигров, основоположник геронтологии в России, раскрывает интересующую нас проблему через категорию страха. По его мнению, способами существования страха выступают модус боязни, или низкого страха, и модус высокого страха, называемого в отечественной православной традиции страхом Божиим [4]. Поскольку старость живет

в горизонте страха фундаментальным образом, постольку ее судьбы складываются по-разному – в зависимости от преобладания того или иного модуса страха. Исходя из данного положения, К.С. Пигров выделяет два соответствующих типа старости: настоящую (подлинную) и неподлинную (мнимую). Эти его идеи получили дальнейшее развитие в работах другого современного исследователя, Л.И. Дьяченко, осуществившей репрезентацию процесса формирования обоих типов старости с точки зрения социальной синергетики: она ввела в научный оборот понятия «топос старости», «геронтологический аттрактор», «геронтологическая идентификация» [5].

Итак, настоящая, или подлинная, старость характеризуется захваченностью состарившегося человека высоким страхом, что позволяет ему, преодолевая через практику аскезы непосредственную идентификацию со своим телом, выйти за рамки последнего и тем самым, наконец, добиться преобладания разумной души (по Платону), «видения своей жизни как целого, которое, в свою очередь, включено в контекст всеобщего, в контекст предельных оснований бытия» [4, с. 95]. Такой тип старости предполагает принятие человеком завершающего этапа своего жизненного пути в качестве новой культурной реальности, ориентированной на постепенное сворачивание задач жизненной экспансии, переход к типу жизнедеятельности, строящемуся в первую очередь на сохранении в себе старого, его структурировании и передаче другим поколениям.

Согласно К.С. Пигрову, для второго типа свойственна боязнь, из которой естественным образом вытекает непринятие человеком собственной старости как новой культурной реальности, себя в ней и, следовательно, отказ от разумной коррекции своего духовного мира, приведения его в соответствие с этой культурной реальностью. Здесь человек не пытается как-либо отказаться от жизненной экспансии. Он продолжает идентифицировать себя со своей телесностью, поэтому всеми силами стремится усовершенствовать ее и таким образом скрыться, «убежать» от старости. При таком

подходе человек не может, как в случае с подлинной старостью, достичь оптимального баланса желаний и возможностей. Здесь налицо их трагический конфликт.

Процесс формирования обеих моделей старости зависит в первую очередь от преобладания того или иного параметра порядка в жизнедеятельности человека, опосредующего диалектику человеческого «Я». Движением к геронтологическому аттрактору «мнимая старость» управляет эмпирическое «Я», которое задает эмпирически-горизонтальный слой бытия человека и ориентирует его на данные, доставляемые внешним миром. Поэтому здесь основное внимание уделяется объектам именно внешнего, а отнюдь не внутреннего, мира и обладанию ими. Движение к геронтологическому аттрактору «подлинная старость» направляется глубинным «Я», которое раскрывает духовный, внутренний слой бытия человека, обращая его к вечным духовным благам как главным ценностям жизни.

Схожая точка зрения обнаруживается у С.А. Лишаева, указывающего на родственные отношения старости и смерти. Для него старость – это «взгляд на жизнь через смерть, знание о смерти, претворенное в знание о жизни» [6, с. 174]. Поскольку в пожилые годы человек, так или иначе, работает не только со своим прошлым, но и с осознанием близящейся смерти, постольку она перестает быть для него чем-то абстрактным и становится «внутренним переживанием, внутренним знанием». Именно в разном отношении людей к собственной смерти С.А. Лишаев видит причины их разного отношения к старости.

Опираясь на взгляды о. Александра (Шмемана), он выделяет два типа старости: вынужденную и подлинную. В первом случае имеет место быть полупризнание близости смерти как факта самосознания, осуществленное под давлением извне или изнутри посредством болезни, немощи и т. д. В результате человек постоянно стремится не обращать внимания на собственное старение, пытается быть таким же полезным, как и в молодости, как будто смерть не имеет к нему никакого отношения. Или же,

напротив, обижается на «несправедливость» жизни, компенсируя это ворчанием и осуждением молодежи.

В случае с подлинной старостью дела обстоят иначе: происходит культивирование знания-осознания смерти как способа построения этоса, основанного на этом знании. При этом претворение стариком знания смерти в знание жизни, конечно, может реализовываться с разной степенью полноты и радикализма, поэтому С.А. Лишаев выделяет два типа старческого этоса:

– старость под знаком старого, предполагающую выстраивание старым человеком своего этоса через работу с прошлым и взглядом на будущее как временем для завершения начатого в предыдущие, более молодые годы. Это этос завершения и подведения итогов;

– старость под знаком ветхого, основанную на осознании полной исчерпанности прошлого и невозможности будущего. Принятие такой старости помогает человеку освободиться от своей нужности, вовлеченности в дела и заботы, «гонки за временем» и, наконец, обратиться к своему «духовному телу».

Учитывая, что исследование феномена старости, как правило, осуществляется на трех взаимосвязанных уровнях – мега-, макро- и микроуровне, нельзя не указать на существование еще одной типологии старости, предложенной Н.А. Рыбаковой.

На основе восходящего к Платону принципа иерархического управления целостностью человека Н.А. Рыбакова выделяет следующие типы старости [7]:

– духовная старость – мудрость, знание целостного мира;

– душевная старость, определяемая как «душевное здоровье», или нравственное знание и действие, с одной стороны, открытие индивидуальности как качественное завершение жизни, с другой, или душевное самочувствие в преддверии смерти, с третьей;

– телесная старость, выражающаяся в прогрессирующей утрате физической силы и энергии.

По ее мнению, не только личность, но и социум всякий раз оказываются перед выбором того или иного типа старости, что связано с мировоззренческой ориентацией и ценностными предпочтениями. Для самой же Н.А. Рыбаковой старость не сводится к простому биологическому угасанию стареющего организма. Она видит в ней «последнее концентрированное обладание жизнью, которое различным, асимметричным образом проявляется духовно и телесно»; саморефлексирующий возраст указания «последних целей человеческого разума» [7, с. 283]. Необходимо заметить, что подобная позиция никоим образом не противоречит современным геронтологическим исследованиям, свидетельствующим о гетерохронном и гетеротопном характере процессов старения, протекающих в организме человека.

В заключение укажем также на возможность изучения феномена старости с историко-философских позиций. В этом ракурсе старость выступает как многомерное полисемантическое явление, раскрывающее свои смыслы в контексте той или иной мировоззренческой парадигмы (подобную взаимосвязь обнаруживают Н.А. Рыбакова, К.С. Шааб [8]). Так, например, античные мыслители видели естественным качеством старости мудрость, христианские – преображение человека и человечества. Эпоха Возрождения представила проблему старости как личную заслугу перед Богом и людьми, а Новое время породило множество несводимых друг к другу учений о старости.

Итак, анализ философских исследований современных отечественных авторов позволяет сделать следующие выводы:

– несмотря на довольно широкое распространение трансгуманистических идей, по большому счету сводящих старость к простому биологическому угасанию стареющего организма и ратующих за скорое избавление человека от нее, в отечественной науке в настоящее время развиваются альтернативные теории, рассматривающие старость в качестве сложного многомерного феномена, складывающегося как из потерь, так и из определенных человече-

ских приобретений. Причем нужно заметить, что этот исследовательский интерес к конструктивным аспектам феномена старости проявляется не только в области общественно-гуманитарных наук, но и в определенной степени свойственен даже естественным наукам, традиционно акцентирующим свое внимание на элиминирующем характере процессов старения. Сюда начинают проникать идеи о значимости старости с точки зрения базовых, фундаментальных позиций. Так, например, академик РАН, директор НКЦ геронтологии Минздравсоцразвития РФ В.Н. Шабалин указывает на эволюционную ценность старости и старения, под которой он подразумевает преобразование и поиск новых структур. По мнению ученого, сегодня эволюция ориентирована на головной мозг человека как высшее достижение структурно-функционального развития живой материи и, следовательно, крайне заинтересована в дальнейшем расширении его возможностей [9]. Для реализации этой задачи крайне необходимо, чтобы человек жил как можно дольше, естественно достигая старости, поскольку даже в таком возрасте человеческий мозг продолжает совершенствоваться (хотя и на отдельных участках), а накопление интеллектуального опыта достигает своего максимума, что особенно ценно для эволюции;

– старость относится к числу универсальных явлений, складывающихся из двух взаимосвязанных компонентов: социально-культурного и личностно-экзистенциального;

– старость представляет собой результат процесса старения, протекающего на трех уровнях: телесном, душевном и духовном. Акцентирование внимания только на одном из этих уровней приводит к формированию соответствующих, существенным образом отличающихся друг от друга типов старости. Очевидно, что для современного геронтофобствующего общества характерен выбор элементарного телесного типа старости, что во многом объясняет превалирование в общественном сознании ее деструктивного образа;

– качество жизни состарившегося человека, удовлетворенность ею во многом определяются принятием или неприятием собственной старости как новой культурной реальности, качественным образом отличающейся от тех, с которыми ему пришлось иметь дело в предшествующие возрастные этапы жизненного пути. Иначе говоря, каждый человек самосто-

ятельно выбирает свою старость. От его собственного выбора зависит, будет ли она такой, какой ее рисуют современные СМИ, т. е. неудавшейся, полной постоянной борьбы за сохранение молодости, или же, напротив, она станет благоприятным периодом для духовного роста и самосовершенствования, раскрытия внутреннего потенциала.

Список литературы

1. Baars J. Philosophy of Aging, Time, and Finitude // *A Guide to Humanistic Studies in Aging* / ed. by T.R. Cole, R. Ray, R. Kastenbaum. Baltimore, 2010. P. 105–120.
2. Елютина М.Э. Социально-гуманитарная рефлексия старости // *Интегрированная старость: практики социального участия*. Саратов, 2007. С. 5–30.
3. Эпштейн М.Н. К философии возраста. Фрактальность жизни и периодическая таблица возрастов // *Бюл. сиб. медицины*. 2006. № 5. С. 48–57.
4. Пигров К.С. Социальный институт старости: традиция и современность // *Ориентиры...* / отв. ред. Т.Б. Любимова. М., 2007. Вып. 4. С. 84–97.
5. Дьяченко Л.И. Феномен старости в современном обществе: социально-культурная и личностная экспликация: дис. ... канд. филос. наук. Казань, 2009.
6. Лишаев С.А. Старое и ветхое: Опыт философского истолкования. СПб., 2010.
7. Рыбакова Н.А. Проблема старости в европейской философии: от античности до современности. СПб., 2006.
8. Шааб К.С. Экзистенциальный смысл старости как итоговый этап долголетия. URL: <http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/614-existential-meaning-of-age-as-a-final-stage-of-longevity.html> (дата обращения: 12.09.2016).
9. Шабалин В.Н. Труд – это наиболее сильный геропротектор. URL: <http://22century.ru/docs/v-n-shabalin> (дата обращения: 12.09.2016).

References

1. Baars J. Philosophy of Aging, Time, and Finitude. *A Guide to Humanistic Studies in Aging*. Ed. by T.R. Cole, R. Ray, R. Kastenbaum. Baltimore, 2010, pp. 105–120.
2. Elyutina M.E. Sotsial'no-gumanitarnaya refleksiya starosti [Social and Humanitarian Reflection of Old Age]. *Integrirovannaya starost': praktiki sotsial'nogo uchastiya* [Integrated Old Age: The Practice of Social Participation]. Saratov, 2007, pp. 5–30.
3. Epshteyn M.N. K filosofii vozrasta. Fraktal'nost' zhizni i periodicheskaya tablitsa vozrastov [The Philosophy of Age. Fractality of Life and the Periodic Table of Ages]. *Byulleten' sibirskoy meditsiny*, 2006, no. 5, pp. 48–57.
4. Pigrov K.S. Sotsial'nyy institut starosti: traditsiya i sovremennost' [The Social Institution of Old Age: Tradition and Modernity]. *Orientiry...* [Landmarks...]. Moscow, 2007. Iss. 4, pp. 84–97.
5. D'yachenko L.I. Fenomen starosti v sovremenom obshchestve: sotsial'no-kul'turnaya i lichnostnaya eksplikatsiya: dis. ... kand. filos. nauk [The Phenomenon of Ageing in Modern Society: Sociocultural and Personal Explication: Cand. Philos. Sci. Diss.]. Kazan, 2009.
6. Lishaev S.A. *Staroe i vetkhoe: Opyt filosofskogo istolkovaniya* [Old and Decrepit: The Experience of Philosophical Interpretation]. St. Petersburg, 2010.
7. Rybakova N.A. *Problema starosti v evropeyskoy filosofii: ot antichnosti do sovremennosti* [The Problem of Old Age in European Philosophy: From Antiquity to the Present]. St. Petersburg, 2006.

8. Shaab K.S. *Ekzistentsional'nyy smysl starosti kak itogovyy etap dolgoletiya* [Existential Meaning of Old Age as the Final Stage of Longevity]. Available at: <http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/614-existential-meaning-of-age-as-a-final-stage-of-longevity.html> (accessed 12 September 2016).

9. Shabalin V.N. *Trud – eto naibolee sil'nyy geroprotektor* [Work Is the Best Geroprotector]. Available at: <http://22century.ru/docs/v-n-shabalin> (accessed 12 September 2016).

doi: 10.17238/issn2227-6564.2016.5.55

Svetlana N. Belozerskikh

Belgorod State University of Arts and Culture
7 Koroleva St., Belgorod, 308033, Russian Federation;
e-mail: belozerskih09@yandex.ru

MODERN VIEW OF OLD AGE: A PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGICAL ASPECT

The increasing life expectancy and universally observed processes of ageing of the world population (especially in economically developed countries) have recently stimulated the interest in old age and ageing among researchers, including philosophers. The article discusses key approaches of modern Russian authors to the understanding of the phenomenon of old age from the philosophical and anthropological point of view. This phenomenon is revealed through its connection with such categories as age, age periodization, course of life, fear, and death. The analysis of these approaches proved them to be an alternative to widespread transhumanist ideas, allowing a broader view of old age as a complex multidimensional phenomenon, which is not reduced to a simple biological decline of the body, but consists of both losses and certain gains. This allows us to speak of a turnabout of Russian scholars' interest in a multidimensional study of the phenomenon of old age, its possible constructive components and its perception as a universal multifaceted phenomenon that manifests itself at three different levels: bodily, mental, and spiritual. As the manifestations of ageing are highly individual and diverse, we should acknowledge that there exist various types of old age that are reflected in different life strategies of elderly and old people. The analysis of currently existing typologies of old age indicates that life quality of senior citizens largely depends on their acceptance or non-acceptance of their age.

Keywords: *older people, old age, ageing process, age periodization, philosophy of old age.*

Поступила: 14.04.2016
Received: 14 April 2016